

ИЗМЕНЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Кожемяко Т. Н.

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия (355029 г. Ставрополь, пр. Кулакова, 2 СКФУ), e-mail: kozhemyako83@mail.ru

Цель статьи – выявить механизм трансформации общественного сознания северокавказского общества под воздействием политических, социокультурных, хозяйственных изменений в первые годы советской власти. Для достижения этой цели автор на основе анализа различных источников характеризует психологическое состояние социума на Северном Кавказе в переломный момент истории. В статье рассматривается воздействие на общественное сознание населения региона таких событий, как революции 1917 года, гражданская война, политика большевиков по воспитанию нового человека, а также религиозная политика новой власти. В конце статьи автор приходит к выводу о том, что процесс изменения массового сознания населения Северного Кавказа протекал медленно и не имел устойчивого характера. Однако именно в эти годы складывается база для окончательного формирования новой природы советского сознания местного сообщества в 1930-е годы.

Ключевые слова: массовое сознание, советская власть, Северный Кавказ, революция, гражданская война, «новый человек».

CHANGE OF THE SOCIAL CONSCIOUSNESS OF THE NORTH CAUCASUS SOCIETY IN THE FIRST YEARS OF SOVIET REGIME

Kozhemyako T. N.

North Caucasian Federal University, Stavropol, Russia (355009, Stavropol, pr. Kulakova 2, SKFU), e-mail: kozhemyako83@mail.ru

The main purpose of the article is to identify the transformation mechanism of the social consciousness of the North Caucasus society under the influence of political economic, social and cultural changes in the first years of Soviet regime. For this purpose the psychological state of the North Caucasus society at the turning point of history was characterized on basis of the analysis of various sources. The influence on the mass consciousness of the North Caucasus society of such events as the Revolution 1917, the Civil War, Bolshevik policy on education of the “new man” and the religious policy of the new government is considered in the article. In conclusion the author tells that the process of changes in the mass consciousness of the North Caucasus society was slow and not sustained. But in those very years the basis for the final formation of the new nature of the Soviet consciousness in local community 1930” was formed.

Keywords: the mass consciousness, Soviet regime, the North Caucasus, Revolution, the Civil War, “new man”.

Окончательное утверждение советской власти на Северном Кавказе, завершившееся после Гражданской войны весной 1920 года, стало началом коренных преобразований. Эти перемены затронули не только государственное устройство, но и социальную структуру, культуру, быт, общественную психологию населения. Особенно сложно проходила трансформация традиционного уклада жизни и мировосприятия местного населения. Трудности ломки традиционного сознания на Северном Кавказе усугублялись поликультурностью, полиэтничностью, а также многообразием социальных и религиозных форм жизни населения региона.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить механизм трансформации общественного сознания северокавказского общества под воздействием политических, социокультурных, хозяйственных изменений в первые годы советской власти.

В начале XX века Северный Кавказ представлял собой аграрный регион, где преобладающее большинство населения были заняты в сельском хозяйстве. Однако для региона было характерно неравномерное распределение земель и наличие так называемых «малоземельных обществ», главным образом в Чечне и Ингушетии, что оказывало влияние на политическую ситуацию в регионе. Число рабочих накануне Октябрьской революции составляло всего 3,3 % от общего числа жителей Северного Кавказа. Аграрный характер городов региона не способствовал формированию в рабочей среде пролетарского сознания, многие из рабочих продолжали являться носителями крестьянского менталитета. Вследствие этого в регионе, вне зависимости от этнической принадлежности, сложился особый тип консервативного сознания, мало подверженный революционным призывам и ориентированный на стабильность и силу законной власти. Радикальные же идеи поддерживали в основном представители либеральной интеллигенции в городах и на селе, а также учащаяся молодежь.

Важным фактором, повлиявшим на трансформацию картины мира жителей Северного Кавказа, стала Первая мировая война. Несмотря на то, что боевые действия на территории региона не велись, она «растревожила» северокавказский социум, усилив значение эмоционально-экспансивной сферы сознания. Это способствовало, с одной стороны, росту радикальных настроений, с другой – восприимчивости населения к политической агитации.

В полной мере влияние войны на изменения в сознании населения проявилось в переломном 1917 году. Революции 1917 года повлекли за собой и коренные перемены в картине мира жителей страны в целом, и северокавказского локального сообщества в частности. Однако особенность революционных событий на Северном Кавказе состояла в том, что здесь, в отличие от промышленных центров России, как говорилось выше, региональный менталитет тормозил развитие революционных настроений.

В целом население региона приветствовало Февральскую революцию, о чем свидетельствуют архивные документы. Так, жители села Новый Егорлык Ставропольской губернии «17 марта на сельском сходе узнали об отмене старой власти и образовании Временного Правительства, которое пойдет навстречу трудовому народу» и «с восторгом приветствуют новое правительство» [10]. Во Владикавказе, по воспоминаниям большевички Е. А. Поляковой, «барыньки от полноты сердечной целовались с солдатами, а рабочий шел вместе с купцом, промышленником, из уст в

уста летело слово «товарищ» [6]. С восторгом были встречены события Февральской революции и в Грозном. Как писал рабочий Лысенков, «все поздравляли друг друга с победой над монархическим строем» [7].

В картине мира большинства жителей Северного Кавказа с новой властью связывались надежды на лучшее: на решение земельного вопроса, социальных проблем, проведение антивоенной политики. Ожидание перемен характеризует эмоциональную обстановку первых послереволюционных дней, так называемого «медового месяца революции». Однако уже к лету энтузиазм и воодушевление первых послереволюционных дней сменились разочарованием, и по региону прокатилась волна крестьянских погромов и восстаний.

Однако глубинная ломка социальных отношений в российском обществе в целом и на Северном Кавказе в частности наметилась после октября 1917 года. В этот период происходил социально-идентификационный взрыв, в результате которого рабочие и крестьяне покинули свои прежние позиции и превратились в центр и суть новой власти.

Провозглашенный большевиками лозунг социальной справедливости воспринимался населением как призыв к перераспределению общественного богатства и трансформировался в сознании в доступное и понятное – «грабь награбленное». Это приводило к коренным изменениям в картине мира жителя локального сообщества, способствовало усилению эмоциональной сферы и, что самое страшное, смещению ценностных ориентиров. Однако эти тенденции в меньшей степени просматривались на Северном Кавказе благодаря более высокому уровню жизни населения региона и опыту взаимодействия разных этно-социальных групп.

Трансформация общественного сознания населения Северного Кавказа активно проявилась к осени 1917 года, когда системный кризис докатился до южной окраины России. Однако наиболее резкое воздействие цивилизационного перелома регион ощутил в годы Гражданской войны, начавшейся в регионе уже весной 1918 года. Она сопровождалась беспрецедентной жестокостью и со стороны красных, и со стороны белых, а также обострением межэтнических проблем. Вера в новую власть под ударами насилия была разрушена.

В период продовольственной диктатуры военные реквизиции красных продотрядов не щадили даже классовых союзников большевистской власти – рабочих и крестьян. В документах этого периода можно найти немало свидетельств того, что продотряды и особоуполномоченные оставляли крестьян не только без зерна и скота, но зачастую отбирали еще и одежду, и личные вещи. Так, крестьянин М. Тимофеев в

заявлении в комиссию по реквизиции и конфискации при Ставропольском губревкоме рассказывает о том, как представители ревкома фактически грабят население: «На хуторе Казинском Жучковым взято у гражданина Василия Ссылки одно ведро меду, один тулуп, одно пальто, одни шаровары шерстяные, трое сподников, одна теплая рубашка и сапожного товара на пять пар головок. У гражданки Богдановой Феклы на том же хуторе взята одна шинель, одни шаровары, одна гимнастерка, одна детская шапка и одна пара шерстяных чулок. У гражданина Василия Сылки взята корова и зарезана как закрытие хлеба» [5].

Немало злоупотреблений совершалось властью и в отношении горожан. Городские жители зачастую оставались без средств к существованию. Как следует из письма члена коллегии отдела труда Ставропольского губернского исполкома Нины Цеприловой, рабочие и служащие ставропольского ободно-механического завода «Заря» находятся в «отчаянном» положении, и вместе с тем они «возбуждены и волнуются» [4]. В национальных окраинах Северного Кавказа нагнетанию психологической атмосферы способствовало обострение межнациональных отношений. Как отмечали участники II съезда народов Терека, в регионе шла не «классическая» гражданская война, а «национально-племенная или, по крайней мере, гражданско-национальная».

Анализ архивных документов свидетельствует о росте недоверия населения к новой власти и дезориентации жителя локального сообщества. Постепенно это перерастает в общую тенденцию, одну из характерных черт в картине мира представителей северокавказского социума. Беззакония как красных, так и белых с течением времени все больше накаляли обстановку. Оказывая постоянное давление на психику жителей локального сообщества, они вели к трансформации их картины мира, увеличению значения эмоциональной сферы сознания.

Психоментальный срез этих событий обнаруживает состояние сильнейшей ценностной дезориентации населения от наступившего, как казалось тогда многим, безвластия. Это, в свою очередь, породило разные модели поведения: поднимало на поверхность инстинкты самосохранения, социального эгоизма и приводило к ослаблению инстинктов социальной стабильности, разрушенных войной и революцией.

Анализ информации чрезвычайных комиссий и прессы о состоянии массового сознания жителей Северного Кавказа за 1918 – 1920 годы показал преобладание антибольшевистских настроений в обществе, особенно в крестьянской среде. Учитывая общую динамику крестьянских выступлений, рост повстанческого

антибольшевистского движения в 1920–1921 годы, особенно в горных районах Северного Кавказа, преимущественно в Дагестане и Чечне.

Гражданская война несла из Центра эскалацию противостояния: бежали на Юг противники большевистской власти, а с другой стороны, в помощь советской власти на местах в регионы отправились посланники большевистского Центра, которых не устраивала умеренная и «местническая» или националистическая позиция советов.

Война способствовала росту агрессивности и обесцениванию человеческой жизни. На Северном Кавказе ситуация усугублялась тем, что менталитет горских народов предполагал разрешение конфликтов с помощью оружия, «силовой исход конфликта является приоритетным» [1]. Произошел всплеск этнической конфликтности и сепаратистских устремлений.

Кроме того, под воздействием войн и революций в районах традиционного распространения ислама, к которым относился и Северный Кавказ, наблюдалось формирование так называемого «исламского фактора». Мусульманское духовенство совместно с националистическими организациями выступило с требованиями отделения мусульманских районов от России и создания на их территории независимых государств. Ислам был идейным знаменем борьбы как с лозунгом белых о «единой и неделимой» России, так национальной оппозиции советской власти. В этом контексте надо рассматривать создание для «борьбы с неверными» Северо-Кавказского эмирата в составе Чечни и северо-западной части Дагестана.

Главным результатом Гражданской войны стала трансформация революционного насилия в государственное, абсолютизация насилия как средства достижения светлого будущего. Классовая борьба стала важнейшей составной частью идеологической реальности, а террор – ее универсальным орудием. Это обстоятельство способствовало превращению его в ценностную ориентацию и социально-психологическую характеристику общества.

Одной из социальных характеристик постреволюционных местных российских сообществ стала их атомизация и разрыв общественных связей. Вместе с изменением социальной структуры это меняло ориентиры общественного сознания и формировало духовную атмосферу советского социума.

Строительство нового общества как стратегическая задача большевиков по определению включало формирование «нового человека», человека с новыми физическими и духовными качествами, моральными нормами и воззрениями. Первым шагом на пути достижения этой цели должна была стать ликвидация неграмотности населения. На Северном Кавказе уровень грамотности населения был катастрофически

низок даже в сравнении с другими российскими регионами. В 1920 году на тысячу жителей региона приходилось всего 281 грамотных. Особенно плохо обстояло дело в горских республиках. Так, в Чечне только 0,84 % взрослого населения умело читать и писать по-русски, в Ингушетии – около 3 %, в Кабардино-Балкарии – 7 %, в Северной Осетии – 14,7 % [2]. Все это создавало трудности не только для формирования в регионе, как и по всей стране, лояльного советского большинства, но и для включения Северного Кавказа в единое советское социокультурное пространство. Именно поэтому вопрос ликвидации неграмотности в регионе стоял особенно остро.

При этом со стороны населения, особенно сельского, существовал достаточно высокий порог недоверия и непонимания необходимости обучения грамоте. Ликвидация неграмотности в деревне тормозилась общими настроениями крестьян, которые не всегда и не везде разделяли стремление властей покончить с неграмотностью, поскольку это требовало от них дополнительных усилий и времени, отвлекало от жизненно необходимых хозяйственных дел. Наряду с материальной нуждой и отдаленностью населенных пунктов в сельской местности, это обстоятельство было реальным препятствием на пути реализации нового политического курса большевистской власти на Северном Кавказе.

В горских районах Северного Кавказа ситуация осложнялась еще и огромным влиянием ислама на значительную часть населения. По мнению консервативно настроенной части горского общества, ликбез посещают только отступники от веры. В связи с этим грозили населению «отлучением от магометанской веры», если они и дальше будут продолжать обучение.

Начальный период политики ликвидации неграмотности на Северном Кавказе характеризовался недоверием к власти и породил различные слухи среди населения. Так, в одном из отчетов о работе Гудермесского ликпункта сообщалось, что среди населения распространялись слухи о том, что всем, кто посещает ликбез, власти «будут ставить на руку печать» и брать на заметку для будущих репрессий. Естественно, что такие слухи значительно тормозили распространение грамотности среди горского населения.

Сопrotивление советской школе было связано с тем, что по мере укрепления советской власти на Северном Кавказе большевики переходили от «мусульманской» тактики к осуществлению стратегических целей коммунизма. Это выразилось, в первую очередь, в попытке закрытия мусульманских школ, на что отдельные регионы Северного Кавказа ответили волной протестов. В Дагестане духовенство призвало «восстать всем с оружием в руках, выгнать русских безбожников с мусульманских территорий» [3].

Таким образом, ликвидация неграмотности, несмотря на трудности и просчеты, выполняла свою основную задачу, которая состояла в том, что делала восприимчивым к идеологическому воздействию большой пласт многонационального населения полиэтничного региона бывшей имперской окраины и тем самым кардинально меняла тип субъекта российского интеллектуального пространства.

Влияние на формирование новой картины мира оказала политика большевиков в отношении церкви. Если в отношении ислама большевики проявляли гибкость, вызванную осознанием специфики ислама как религии и необходимостью широкой социальной опоры среди горского населения на Северном Кавказе, то в отношении православия развернули борьбу с религией.

Как свидетельствуют источники, на Ставрополье религиозность являлась серьезной составляющей представлений жителей о мире. Местная власть отмечала «множество религиозных неграмотных, которые не отдают сами себе отчет, во что веруют и почему, а просто поддерживают по-дедовски общественный религиозный порядок» [8]. Однако этот «порядок» довольно глубоко укоренился в сознании селян Ставрополья, преимущественно старшего поколения. Об этом свидетельствует, например, письмо заведующей женотделом Е. Плаксиной из села Кевсала Винодельченского района. Рассказывая о приеме детей в ясли, она сообщает: «но все-таки у нас есть шептуны, которые несознательны, они напевают, говорят, что это вы отдали своих детей антихристу, еще говорят, что автомобили приедут ночью и увезут ваших детей, но женщины еще многие темные и во все это верят, много приходится разъяснять и убеждать, что это для облегчения матери» [9]. Меры большевиков по борьбе с религией не могли одновременно и кардинально изменить мировосприятие и мышление православного населения Северного Кавказа.

В то же время постепенно массированная антирелигиозная пропаганда, проведение антирождественских и антипасхальных недель, закрытие церквей, гонения на священников достигали цели большевиков. В головах особенно молодого поколения вера в Бога замещалась идеологией, приобретшей статус гражданской религии. В итоге население не склонно было рассуждать по поводу марксистско-ленинских идеологем, а воспринимало их в категориях «веры» или же «неверия», поскольку в сознании людей того времени сложные теоретические построения марксизма-ленинизма упрощались в соответствии с народными представлениями о мире, власти, социальной справедливости.

Таким образом, формирование новой картины мира населения Северного Кавказа происходило под влиянием целого ряда политических, экономических и

социокультурных факторов. У населения региона процесс создания новой политической культуры протекал сравнительно медленно, изменения массового сознания не имели устойчивого характера, поэтому в начале 1920-х годов продолжали сохраняться прежние черты традиционной картины мира жителей Северного Кавказа. В то же время именно в те годы складывалась база для окончательного оформления новой природы советского сознания местного сообщества в 1930-е годы.

Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Соглашение №14.В37.21.0694.

Список литературы

1. Авкентьев В. А., Шаповалов В. А. Этнические проблемы современной России: социально-философский аспект анализа. – Ставрополь, 1997. – С. 35.
2. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917-1941 гг.). – Майкоп, 1995. – С. 251.
3. Тахо-Годи А. В. борьбе за советскую школу в Дагестане // Просвещение национальностей. – 1931. – № 1. – С. 37.
4. Государственный архив Ставропольского края. Фонд, Р-100. Описание 1. Дело 28. ЛЛ. 131-131 об.
5. Государственный архив Ставропольского края. Фонд, Ф. Р-100. Описание 1. Дело 7. Л. 69 об.
6. Цит. по: Кучиев В. Д. Октябрь и Советы на Тереке: 1917-1918. – Орджоникидзе, 1979. – С.11.
7. Октябрь на Дону и Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 1977. – С. 67.
8. Российский государственный архив экономики. Фонд 396. Описание 3. Дело 581. Л.211.
9. Российский государственный архив экономики. Фонд. Ф. 396. Описание 3. Дело 581. Л.241.
10. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 1778. Описание 1. Дело 98. Л. 235.

Рецензенты:

Бульгина Тамара Александровна, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь.

Крючков Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, философии и искусств, г. Ставрополь.